

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

МОСКВА.

Изд. книжнаго магазина Торг. Дома С. Стахановъ, С. Куринъ и К^о.
1900.

AKG1478

Дозволено Цензурою. Москва, 27 іюня 1900 г.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ
аренд. И. К. СОЛНЦЕВЫМЪ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

200 лѣтъ тому назадъ на Москвѣ царствовалъ молодой государь Петръ Алексѣевичъ, получившій въ послѣдствіи прозваніе Петра Великаго. Въ то время, о которомъ пойдетъ у насъ рѣчь, Петру исполнился 25 й годъ. Онъ находился въ лучшей порѣ развитія своихъ силъ. Огромнаго роста, съ высокимъ лбомъ, съ гривой кудрявыхъ темныхъ волосъ, съ огненными черными глазами, пронзительнымъ и живымъ взглядомъ — онъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Его движенія были неожиданны и порывисты. Онъ ходилъ быстро. Его голосъ звучалъ громкимъ и пріятнымъ басомъ. Онъ уже успѣлъ заявить себя многими смѣлыми и важными дѣлами: заточилъ въ монастырь свою сестру и неукротимую соперницу Софью, которая хотѣла перехватить у него власть и начать самую править государствомъ; построилъ въ Воронежѣ, на Дону, первый русскій флотъ и отнялъ у турокъ Азовъ — сильную крѣпость на берегу Азовскаго моря.

Теперь, въ 1697 г., онъ рѣшилъ въ своемъ быстромъ умѣ новое предпріятіе, которое поразило всѣхъ своею неожиданностью.

9 марта жители Москвы густыми рядами тѣснились на улицахъ, глядя на замѣчательное зрѣлище. Изъ Москвы выѣзжала длинная вереница саней, пе-

реполненныхъ сѣдоками. Москвичи, смотрѣвшіе на поѣздъ, узнавали среди сѣдоковъ видныхъ сановниковъ. Впереди ѣхалъ Францъ Лефорть, первый другъ царя, молодой и веселый иностранецъ, пріохотившій Петра къ иноземнымъ обычаямъ и порядкамъ. Затѣмъ слѣдовалъ бояринъ Головинъ, а за нимъ—думный дьякъ Возницынъ. То были послы, снаряженные къ иноземнымъ государямъ. За каждымъ посломъ ѣхала свита, человекъ по 30 и по 50. За послами и свитой двигался отрядъ молодыхъ воиновъ. Ихъ было 30 человекъ. Каждый десятокъ имѣлъ у себя во главѣ особаго десятника. Одинъ десятникъ былъ Гаврило Кобылинъ, другой—Федоръ Плещеевъ, третій—Петръ Михайловъ. Никто глазамъ не повѣрилъ, увидѣвъ третьяго десятника: то былъ самъ царь. Поѣздъ проѣхалъ; сани скрылись за снѣжными сугробами, и народъ сталъ расходиться въ глубокомъ недоумѣніи. Православный царь уѣхалъ въ басурманскую землю! Этого еще никогда не бывало, и поступокъ царя повергъ всѣхъ въ полное смущеніе. Правда, уже съ давняго времени на Москвѣ стало набираться много иностранцевъ: въ войскѣ среди офицеровъ, при дворцѣ въ качествѣ художниковъ, ремесленниковъ, актеровъ — всюду попадались иноземцы. Подъ Москвой выросла цѣлая „нѣмецкая слобода“. Многіе бояре совсѣмъ прилѣпились къ иноземнымъ обычаямъ, да и самъ отецъ Петра Великаго, Алексѣй Михайловичъ, завелъ у себя во дворцѣ многія иноземныя новинки и, между прочимъ, театръ. Но все же, по понятіямъ русскихъ людей того времени, всякій иноземецъ считался существомъ нечистымъ, „сосудомъ дьявольскимъ“. Недаромъ, когда царь московскій принималъ иностранныхъ пословъ въ торжественномъ пріемѣ, рядомъ съ трономъ стави-

лась огромная серебряная лохань, наполненная водою, и царь, допустивъ пословъ къ цѣлованію руки, тутъ же, при самихъ послахъ и всѣхъ боярахъ, мылъ въ лохани руки и начисто вытирался полотенцемъ: не подобало оставлять безъ омовенія мѣста, оскверненнаго прикосновеніемъ иностранца. Такъ думали тогда многіе русскіе люди, непросвѣщенные образованіемъ. Какъ же теперь царь бросилъ Русь и поѣхалъ туда, гдѣ царить поганая вѣра? Пока такія думы смущали русскихъ людей, самъ Петръ смотрѣлъ на свое путешествіе совершенно просто. Россіи нуженъ былъ флотъ, а искусство строенія кораблей не было еще извѣстно русскимъ. Петръ, никогда не боявшійся тяжелой работы, рѣшилъ, что всего проще самому съѣздить туда, гдѣ хорошо знали это искусство, научиться кораблестроенію и привезти съ собою въ Россію опытныхъ иноземныхъ мастеровъ по этой части. Сначала Петръ думалъ отправиться въ Италію. Италія славилась своими кораблями, а, кромѣ того, Петръ надѣялся проѣздомъ туда заключить съ австрійскимъ императоромъ союзъ противъ стариннаго врага Россіи—турокъ. Скоро, однако, пришлось измѣнить порядокъ путешествія. Петръ собрался въ иноземныя страны въ неспокойное время. Самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ была тогда Франція. Тамъ царствовалъ король Людовикъ. Это былъ властолюбивый государь. Онъ хотѣлъ сдѣлаться повелителемъ не только Франціи, но и всей Европы. Онъ постоянно высылалъ войска то въ ту, то въ другую сосѣднюю страну, захватывалъ у сосѣдей цѣлыя области, а за проявленіе непокорства мстилъ жестокими насиліями. И вотъ, европейскія государства рѣшили обуздать властолюбіе французскаго короля. Во главѣ вра-

говъ Людовика стоялъ король англійскій, Вильгельмъ. Это былъ болѣзненный, тщедушный человекъ, но въ его слабомъ тѣлѣ жилъ бодрый и смѣлый духъ. Вильгельмъ обладалъ желѣзно-упорной волей. Онъ никогда не отступался отъ своихъ желаній и всегда въ концѣ концовъ умѣлъ поставить на своемъ. Вступивъ въ борьбу съ Людовикомъ, Вильгельмъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается во всей Европѣ. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы всѣ народы соединились въ одинъ общій союзъ противъ Франціи и остановили этимъ властолюбивые замыслы Людовика. И такъ, Петръ хотѣлъ, чтобы ему помогали воевать съ турками, а Вильгельмъ хотѣлъ, чтобы ему помогали воевать съ Людовикомъ. И вотъ, Петръ быстро сообразилъ, что ему прежде всего надлежитъ договориться съ самимъ Вильгельмомъ. Махнувъ рукой на Италію, Петръ рѣшилъ ѣхать въ Голландію и Англію, тѣмъ болѣе, что эти страны славились тогда своими кораблями.

Первымъ иноземнымъ городомъ, въ которомъ остановился Петръ, была Рига. Теперь Рига—русскій городъ, въ то время она принадлежала Швеціи. Петръ такъ писалъ въ Москву о своемъ житьѣ въ Ригѣ: „здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты, были только зрѣніемъ“. Въ рижской землѣ былъ голодъ. Для увеселеній и пировъ время было неподходящее. Но и вообще пріемъ былъ холодный. Дѣло чуть не дошло до вооруженной стычки. Петръ былъ раздраженъ и поспѣшилъ покинуть непривѣтливое мѣсто. Черезъ недѣлю онъ былъ уже во второмъ иноземномъ городѣ—Митавѣ (теперь и этотъ городъ принадлежитъ Россіи). Здѣсь его ожидала радушная встрѣча. Русскихъ словъ кормили роскошными обѣдами, развлекали

военными почестями. Но Петру этого было мало. Онъ жаждаль работы и ученія. Онъ хотѣль съ пользою употребить время своего путешествія, узнать побольше новыхъ предметовъ, которыхъ еще не знали на его родинѣ. Путешествуя по чужбинѣ, онъ все время думаль о Россіи. Онъ мечталъ сдѣлать свою родину такой же сильной, образованной, хорошо устроенной, какими были многія иноземныя страны. И потому-то онъ старался вездѣ высматривать и разузнавать все то, что могло принести пользу его родному народу. Его привлекало не развлеченье, а трудъ. Городъ Митава, куда онъ попалъ, былъ маленькій нѣмецкій городокъ. Для пытливаго ума Петра тамъ было мало интереснаго. За недостаткомъ интересныхъ предметовъ для изученія, Петръ принялся плотничать. До новѣйшаго времени въ Митавѣ показывали вытесанное Петромъ бревно въ 11 саж. длины. Но Петру не сидѣлось въ Митавѣ. Онъ зналъ, что неподалеку находится море. Съ юныхъ лѣтъ Петръ страстно полюбилъ водяную стихію, а видъ безбрежнаго морского простора всегда приводилъ его въ восторгъ. При первой же возможности онъ покинулъ Митаву и поспѣшилъ въ Либаву. Тамъ онъ увидѣлъ впервые Балтійское море въ грозномъ величіи, въ бурную погоду, съ громомъ и молніей... и уже не могъ съ нимъ разстаться. Послы отправились дальше, одни, въ Германію сухимъ путемъ, а для Петра снарядили нанятый имъ большой купеческій корабль св. Георгія. Долго противные вѣтры не пускали Петра въ открытое море. Наконецъ, 2 го мая корабль св. Георгія снялся съ якоря и черезъ два дня благополучнаго плаванія присталъ къ нѣмецкой гавани Пилау. Изъ Пилау Петру предстояло переѣхать въ городъ Кенигсбергъ,

гдѣ его ожидалъ нѣмецкій государь Фридрихъ III. Какъ мало походили другъ на друга эти два государя! Петръ тяготился всякой роскошью, охотно мѣнялъ скипетръ на простой плотничій топоръ и вмѣсто драгоценныхъ колецъ щеголялъ на пальцахъ рабочими мозолями, а Фридрихъ только и думалъ, что о блестящихъ парадахъ и церемоніяхъ. Онъ обрадовался пріѣзду русскаго царя, какъ новому предлогу для празднествъ и развлеченій. Царю былъ приготовленъ пышный пріемъ, но Петръ сразу рѣшилъ сохранить втайнѣ свое царское званіе и уклониться отъ всѣхъ шумныхъ торжествъ, чтобы оставить себѣ больше времени для работы и ученія. Петръ пріѣхалъ во дворецъ Фридриха одинъ, запросто, побесѣдовалъ съ нимъ поголландски, выпилъ нѣсколько бокаловъ венгерскаго вина и, уходя, просилъ Фридриха не отдавать ему посѣщенія. Всѣ почести и торжественныя встрѣчи выпали на долю пословъ, а Петръ тѣмъ временемъ засѣлъ за изученіе артиллеріи подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей и въ теченіе мѣсяца сдѣлалъ въ этой наукѣ большіе успѣхи. Между тѣмъ, Фридрихъ скоро успѣлъ поссориться съ русскими послами изъ-за порядка дворцовыхъ увеселеній, и, когда Петръ въ день своихъ именинъ приготовилъ великолѣпный фейерверкъ, Фридрихъ на него не пріѣхалъ, а прислалъ вмѣсто себя своего перваго министра. Петръ впалъ въ бѣшенный гнѣвъ. Онъ принялъ министра, нетерпѣливо выслушалъ его рѣчь и вдругъ заявилъ, обращаясь къ Лефорту: „нѣмецкій государь добръ, но его совѣтники—черти“. Министръ въ испугѣ попятился назадъ, а Петръ, махнувъ рукой, закричалъ— „пошелъ, пошелъ“, и самъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько дней

Петръ поѣхалъ дальше. Онъ спѣшилъ въ Голландію. Черезъ Германію онъ ѣхалъ быстро, почти нигдѣ не останавливаясь. Но въ одномъ мѣстѣ ему пришлось нѣсколько позадержаться. Въ городкѣ Коппенбрюгге царскаго проѣзда нетерпѣливо дожидались двѣ нѣмецкія принцессы, непременно желавшія увидать удивительнаго царя. Эти двѣ принцессы славились на всю Германію своимъ умомъ, образованностью и умѣньемъ любезнаго обхожденія. Все замѣчательное привлекало ихъ вниманіе. Не мудрено, что имъ страшно хотѣлось познакомиться и съ русскимъ царемъ. Получивъ приглашеніе къ нимъ на ужинъ, Петръ сначала отказался: онъ не привыкъ обращаться съ образованными дамами, но, подумавъ, онъ согласился съ условіемъ, чтобы никто изъ постороннихъ не присутствовалъ при этомъ свиданіи. Тогда придворные господа запрудили всю улицу передъ домомъ принцессъ, чтобы хотя мелькомъ взглянуть на Петра. Царь пробрался въ домъ тайкомъ черезъ заднее крыльцо. Войдя въ комнаты и увидѣвъ пышныя приготовленія къ его приему, Петръ смутился. Онъ закрылъ лицо руками и на всѣ привѣтствія повторялъ только: „я не могу говорить“. Но принцессы были умѣлыя хозяйки. Онѣ посадили Петра за столъ между собой и во весь ужинъ, четыре часа сряду говорили ему безъ умолку въ оба уха, наперерывъ другъ передъ другомъ спрашивая и рассказывая. Петръ понемногу оправился отъ своего смущенія, самъ разговорился и скоро обворожилъ принцессъ своимъ умомъ. Онъ окончательно развеселился, когда оказалось, что младшая принцесса нюхаетъ табакъ. Петръ быстро подружился съ ней, и они обмѣнялись табакерками. Послѣ ужина Петръ согласился, наконецъ, впустить въ комнаты

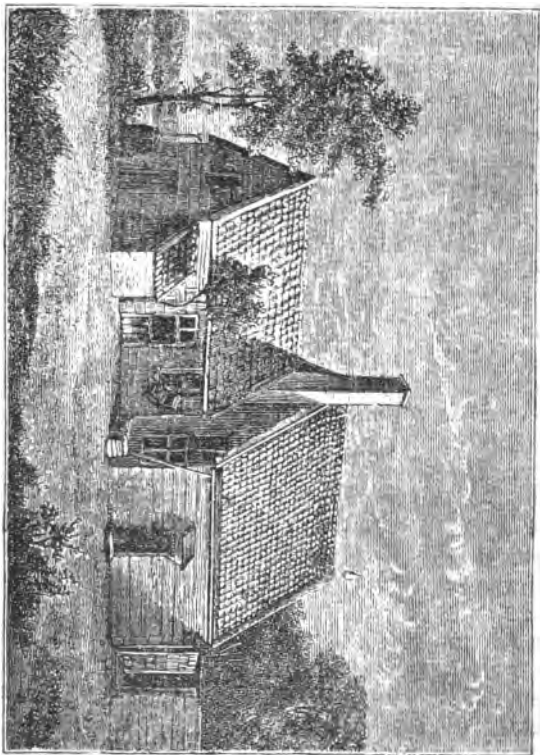
придворныхъ дамъ и кавалеровъ, выстроилъ ихъ въ рядъ, потребовалъ большіе стаканы и заставилъ каждаго кавалера по-московски, залпомъ осушить по три и по четыре стакана вина. То же по его требованію должны были продѣлать и обѣ принцессы. Потомъ начались танцы. Петръ показавъ принцессамъ русскую пляску, а затѣмъ стали танцовать всѣ вмѣстѣ. Весь вечеръ прошелъ въ полномъ веселіи. А когда на прощанье принцессы спросили царя, что онъ больше всего любитъ дѣлать, Петръ показавъ имъ свои загрубѣвшія отъ работы руки и сказалъ: „я болѣе всего люблю плавать по морямъ, спускать фейерверки и строить корабли“. „Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его своими глазами“ — писала потомъ одна изъ принцессъ — „онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства, но сердитъ. Если бы его лучше воспитали, онъ былъ бы примѣромъ совершенства“. Описанное свиданіе происходило въ юлѣ. Въ августѣ Петръ достигъ Рейна¹⁾, нанялъ ботъ и, опередивъ посольство, поплылъ съ небольшою свитой въ Голландію. 5-го августа путешественники впервые остановились въ Голландской харчевнѣ. Народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на русскія одежды пріѣзжихъ. Одна старуха спросила: „что вы за люди? Христіане ли вы? Я слышала, что васъ въ Клевскѣ крестить стануть“. Быстро скользя ботъ съ русскимъ царемъ по каналамъ Голландіи. 7-го августа онъ, не останавливаясь, прошелъ мимо Амстердама. Петръ спѣшилъ увидѣть Саардамъ, о которомъ ему много наговорили работавшіе въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ саардамскіе плотники. На слѣдующій день, подѣвзжая къ Са-

¹⁾ Рейнъ—рѣка въ Германіи.

ардаму, Петръ вдругъ увидѣлъ стараго кузнеца Киста, нѣкогда работавшаго въ Москвѣ, а теперь мирно ловившаго съ лодочки угрей. Петръ окликнулъ Киста. Кистъ не повѣрилъ глазамъ, увидѣвъ московскаго царя въ одеждѣ голландскаго плотника — въ красной курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, съ лакированной шляпой на головѣ. Кистъ думалъ, не грезить ли онъ? Но скоро онъ убѣдился, что передъ нимъ дѣйствительно—царь московскій. Петръ сошелъ съ бота и сталъ просить Киста дать ему комнату въ своемъ домѣ.

Кистъ побѣждалъ къ женѣ устраивать все для приѣма неожиданнаго гостя. Петръ дожидался на улицѣ и потомъ вмѣстѣ со своими спутниками вошелъ въ харчевню. Маленькій городокъ переполошился. Вѣсть о прибытіи какихъ-то невѣдомыхъ людей въ странныхъ одеждахъ (спутники Петра были одѣты по-русски) быстро объѣжала городъ. У трактира собралась толпа. „Что вы за люди, откуда вы?“ слышалось со всѣхъ сторонъ. „Мы простые плотники, ищемъ работы“ — отвѣчалъ Петръ.—Петръ строго-на-строго наказалъ Кисту скрывать отъ всѣхъ тайну своего дѣйствительнаго званія. Онъ рѣшилъ превратиться на время въ настоящаго голландскаго плотника. Къ вечеру онъ водворился въ домъ Киста. Этотъ знаменитый саардамскій домикъ, пріютившій въ своихъ стѣнахъ удивительнаго царя-плотника, до сихъ поръ показывается путешественникамъ: съ черепичной кровлей, весь деревянный, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовой печью, глухою каморкою для кровати и чуланчикомъ при входѣ.

Поселившись у Киста, Петръ со слѣдующаго же утра началъ рабочую жизнь. Онъ запи

Домикъ, гдѣ живъ Петръ I въ Саардамѣ.

саяся плотникомъ на корабельныя верфи и каждый день, лишь взойдетъ солнце, шелъ на работу. Но... не прошло и недѣли, какъ ему уже пришлось проститься съ надеждой остаться неузнаннымъ и на свободѣ предаться своимъ работамъ. Онъ самъ невольно выдавалъ свою тайну: властные манеры, повелительный голосъ—все это внушало подозрѣнiе саардамцамъ, что къ нимъ явился не простой плотникъ. Загадочному иностранцу до всего было дѣло. Его видали всюду, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ и вездѣ о немъ рассказывали удивительныя вещи. На бумажной фабрикѣ, напр.,—онъ попросилъ у мастера форму, живо зачерпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ передъ удивленными зрителями листъ безукоризненнаго совершенства. Лишь только онъ видѣлъ новый родъ работы, у него чесались руки: онъ схватывалъ инструменты и становился въ ряды рабочихъ. По Саардаму шелъ уже большой говоръ, что подъ именемъ Петра Михайлова скрывается какой-то знатный иностранецъ. Вдругъ одинъ саардамскій плотникъ получаетъ отъ сына, жившаго въ Москвѣ, письмо съ сообщенiемъ объ отъѣздѣ русскаго царя въ Голландiю и съ перечисленiемъ примѣтъ, по которымъ можно тотчасъ узнать Петра: трясенiе головы, судороги на лицѣ, сильное размахиванiе правой рукой и небольшая бородавка на правой щекѣ. Письмо пошло по рукамъ и жадно перечитывалось во всѣхъ домикахъ Саардама. Всѣ пристали къ Кисту. Кистъ стойко хранилъ тайну, но это оказалось не подъ силу его супругѣ, которой онъ имѣлъ неосторожность открыть все и которая начала отвѣчать на вопросы любопытныхъ весьма прозрачными намеками.

Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ.

Какъ разъ во время наибольшаго общаго напряженія у Петра произошло столкновение съ саардамскими уличными мальчишками. Возвращаясь съ работы, Петръ купилъ сливъ, положилъ ихъ въ шапку и сталъ ими на ходу лакомиться. Толпа мальчишекъ играла на улицѣ. Онъ приласкалъ нѣкоторыхъ и далъ имъ сливъ, а другимъ не далъ. Обдѣленные тотчасъ устроили на него атаку. Въ Петра полетѣли камни и комки грязи. Въ гнѣвъ Петръ укрылся въ харчевню и велѣлъ позвать къ себѣ бургомистра.*) Какъ разъ въ это время въ Саардамъ пріѣхалъ матросъ, выдавшій Петра въ Архангельскѣ. Онъ тотчасъ узналъ государя. Болѣе нельзя было сохранять тайну. Бургомистръ издалъ грозное объявленіе съ запрещеніемъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые желаютъ остаться неизвѣстными. Сомнѣній больше не было: таинственный плотникъ есть царь московскій! Теперь-то настали для Петра трудные дни. На слѣдующій день ему не было прохода отъ любопытныхъ. Онъ взялъ яликъ и пропалъ на весь день плавая по заливу. Весь берегъ былъ запруженъ народомъ. Всѣ ждали его возвращенія. Наконецъ, показалась лодочка съ русскимъ царемъ. Тотчасъ цѣлый флотъ лодокъ, наполненныхъ любопытными, пустился ему навстрѣчу. Царь гребъ за четверыхъ, уносясь отъ докучливой толпы. Голландцы неотвязно гнались за нимъ. Началась бѣшеная гонка. Вдругъ царь причалилъ и выскочилъ на берегъ. Вся толпа высыпала за нимъ и окружила его плотною стѣною. Одинъ молодой парень подошелъ къ нему ближе всѣхъ и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

*) Бургомистръ—главный распорядитель въ городѣ, въ родѣ нашего городского головы.

Петръ кинулся въ харчевню, заперся на ключъ и просидѣлъ тамъ до глубокой ночи, пока всѣ разошлись по домамъ. На утро толпа уже спозаранку окружала домъ Киста. Выглянувъ въ окно, Петръ рѣшилъ бѣжать въ Амстердамъ. Съ большимъ трудомъ проложилъ онъ себѣ дорогу до пристани и, несмотря на разыгравшуюся непогоду, пустился въ путь.

На другой день послѣ прибытія Петра въ Амстердамъ туда имѣло торжественный въѣздъ и русское посольство.

Въ концѣ XVII вѣка, маленькая Голландія переживала лучшіе дни своего могущества.

Далеко раскинулись ея торговыя сношенія. Голландскія суда появлялись всюду. Цѣлые лѣса мачтъ тѣснились въ ея гаваняхъ. — Недаромъ голландцевъ называли тогда „морскими извозчиками“: 20 тысячъ судовъ числилось въ ея флотѣ и по всему голландскому побережью процвѣтало обширное судостроеніе. Столь же богато и пышно была развита въ тогдашней Голландіи и умственная жизнь — литература, наука, искусства. Самъ бургомистръ Амстердама, гдѣ водворился Петръ, Николай Витсенъ былъ извѣстнымъ въ свое время писателемъ и ученымъ путешественникомъ.

Петръ тѣсно сошелся съ Витсеномъ. Трудно было бы найти болѣе подходящаго для Петра руководителя въ его работахъ. Витсенъ самъ нѣкогда побывалъ въ Россіи, еще при царѣ Алексѣй Михайловичѣ составилъ географическую карту Россіи и вообще живо интересовался нашимъ отечествомъ. Кромѣ того, онъ занимался той самой наукой, которой такъ страстно былъ преданъ царь. Витсенъ написалъ ученую книгу о древней и новой постройкѣ кораблей и искусствѣ управлять ими.

При содѣйствіи Витсена Петръ съ жадной то-ропливостью набросился на изученіе всего того, что казалось ему интереснымъ въ Голландіи. Ни одна сторона богато развитой жизни тогдашней Голландіи не ускользнула отъ его вниманія. Онъ горѣлъ въ работѣ. Съ раняго утра онъ немилосердно стучалъ топоромъ на судостроительной верфи. Въ полдень топоръ отбрасывался въ сторону, и онъ уже сидѣлъ за урокомъ черченія, прилежно склонясь надъ тетрадами и ловко выводя на бумагѣ чертежи. Урокъ черченія смѣнялся урокомъ гравированія подъ руководствомъ указаннаго Витсеномъ художника. Въ Амстердамѣ еще и теперъ хранится въ музеѣ рисунокъ, награвированный Петромъ иглой и крѣпкой водкой. Кончивъ урокъ, Петръ цѣлый день бѣгалъ по музеямъ ¹⁾, анатомическимъ театрамъ ²⁾ и другимъ образовательнымъ учрежденіямъ. Съ того времени сохранилась картина, изображающая Петра въ музеѣ ученаго Якова Вильде, славившагося собраніями древнихъ монетъ, статуй и каменьева. Страшно поразилъ Петра анатомическій театръ извѣстнаго анатома Рюйса. Петръ простаивалъ тамъ цѣлые часы и однажды пришелъ въ такой восторгъ отъ набальзамированнаго трупа ребенка, казавшагося живымъ и улыбающимся, что не удержался и покрылъ его поцѣлуями. Онъ совсѣмъ увлекся Рюйсеномъ, обѣдывалъ у него запросто, вмѣстѣ съ нимъ ходилъ въ госпиталь на интересныя операціи. Можно было бы на много удлинить списокъ ученыхъ, съ которыми Петръ сошелся въ Голландіи. Онъ не за-

¹⁾ *Музей*—домъ, гдѣ собраны картины, статуи или рѣдкіе предметы.

²⁾ *Анатомическій театръ*—мѣсто, гдѣ вскрываютъ трупы по правиламъ науки.

бывалъ ихъ и по возвращеніи въ Россію: посылалъ имъ подарки, рѣдкіе образцы животныхъ и растеній Россіи и т. д. Нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ онъ переманилъ въ Россію.

Позднимъ вечеромъ Петръ возвращался въ свою квартиру. Тамъ его ждала другая работа: на столѣ лежала груда бумагъ, ежедневно приносимыхъ ему почтой изъ Москвы. Читая эти бумаги, онъ переносился мыслію въ далекую Москву и среди ночной тишины торопливо и кратко набрасывалъ письма и указы по разнымъ дѣламъ государственнаго управленія. На утро эти указы и письма летѣли въ Россію, а царь уже опять стоялъ на своемъ мѣстѣ на верфи и безъ умолку стучалъ топоромъ.

Петръ работалъ порывисто и страстно. Въ Амстердамѣ ему пришлось ждать нѣсколько времени разрѣшенія заложить новый корабль и допустить къ работамъ на немъ самого Петра. Разрѣшеніе пришло во время вечерняго пира, устроеннаго въ честь Петра отъ города Амстердама. Петръ тотчасъ всталъ изъ за стола и, къ общему удивленію, объявилъ, что онъ немедленно ѣдетъ въ Саардамъ, гдѣ остались его инструменты. Ночь была бурная. Никакія убѣжденія повременить до утра не могли повліять на него. Отперли заставу, опустили подъемный мостъ, и въ 11 часовъ ночи Петръ вышелъ въ море. Рано утромъ онъ вернулся съ инструментомъ и прямо отправился на верфь. Ни одна минута не пропадала у него даромъ. Въ Амстердамѣ Петръ продолжалъ скрывать свой санъ. Въ большомъ городѣ ему лучше удавалось дѣлать это, чѣмъ среди наивныхъ саардамцевъ. Желавшіе видѣть русскаго царя должны были прибѣгать къ хитростямъ. Одинъ знатный англичанинъ точно пріѣхалъ изъ Англіи посмотреть царя. Онъ

явился на верфь, и мастеръ, чтобы указать царя посѣтителю, крикнулъ: „Питеръ, тиммерманъ 1) Саардамскій, что же ты не поможешь товарищамъ?“ — (какъ разъ въ это время переносили бревно). Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ дерево и помогъ перенести его въ назначенное мѣсто. Скрываясь отъ любопытныхъ, царь не принималъ участія въ переговорахъ своихъ пословъ съ нидерландскимъ правительствомъ, но съѣздилъ въ Гаагу и имѣлъ тамъ свиданіе съ Вильгельмомъ III. Цѣль посольства не была достигнута. Нидерланды не соглашались помогать Россіи противъ турокъ, но этотъ неуспѣхъ съ избыткомъ былъ вознагражденъ всѣмъ тѣмъ, чему Петръ научился въ Голландіи. Но Голландія не вполне удовлетворила Петра. Истинной колыбелью науки кораблестроенія являлась въ то время Англія. Петръ рѣшилъ побывать и въ Лондонѣ.

Жизнь Петра въ Англіи устроилась такъ же, какъ и въ Голландіи. Онъ поселился въ предмѣстьи Лондона Дефтфордѣ, поближе къ верфямъ и подальше отъ празднаго любопытства толпы. Черезъ три дня по его пріѣздѣ его посѣтилъ Вильгельмъ III. Сообразуясь съ желаніями царя, король пробрался на его квартиру такъ тихо, что никто не узналъ его величества въ сухощавомъ господинѣ, вышедшемъ изъ небогатой кареты у царскаго подъѣзда. Царь отдалъ визитъ съ такими же предосторожностями и былъ введенъ во дворецъ чрезъ заднюю дверь. Проходя по заламъ дворца, онъ не обратилъ никакого вниманія на превосходныя картины, украшавшія стѣны, но его привела въ великій восторгъ въ гостиной короля доска съ

1) Тиммерманъ — по-голландски значить плотникъ.

замысловатымъ механизмомъ, показывавшимъ направление вѣтра. Петръ попрежнему упорно избѣгалъ церемоній. Онъ подружился только съ однимъ знатнымъ англичаниномъ Кармартеномъ, веселымъ чудакомъ и подобно Петру, страстнымъ поклонникомъ моря. Зато съ Кармартеномъ Петръ не разлучался. Каждый день они вмѣстѣ катались по Темзѣ. Кармартенъ не остался въ накладѣ отъ этой дружбы: царь отдалъ ему на откупъ торговлю табакомъ въ Россіи. Прячась отъ толпы, Петръ не преминулъ однако осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Лондона. Онъ былъ въ театрѣ, гдѣ успѣшилъ записаться въ глубь ложи, замѣтивъ, что вся публика отвернулась отъ сцены и ловила глазами его фигуру; онъ побывалъ на обсерваторіи,¹⁾ долго и внимательно изучалъ монетный дворъ, осмотрѣлъ всѣ музеи, заглянулъ, наконецъ, и въ парламентъ,²⁾ впрочемъ, въ буквальный смыслъ слова только заглянулъ, да и то съ чердака, въ слуховое окно, чтобы самому не быть видимымъ. Король и члены парламента не могли сохранить серьезности, и весь парламентъ покатился со смѣху, увидя въ верхнемъ слуховомъ окнѣ напряженно-любопытствующее лицо русскаго царя.

Пребываніе царя въ Англіи достойно завершилось великолѣпнымъ морскимъ праздникомъ, который далъ Вильгельмъ III въ честь своего гостя.

Праздникъ состоялъ въ примѣрной морской битвѣ. Въ ней участвовали 12 большихъ военныхъ кораблей. Нельзя было придумать болѣе пріятнаго для Петра развлеченія. Петръ веселился отъ души,

1) Зданіе, изъ котораго ученые люди наблюдаютъ въ трубы небесныя свѣтила.

2) Парламентъ— домъ, гдѣ выборные изъ народа обсуждаютъ законы.

и обласканные имъ англійскіе моряки проводили его шумными криками и пушечной пальбой. Петръ пробылъ въ Англии 4 мѣсяца и увезъ съ собою оттуда лучшія воспоминанія. Онъ не разъ повторялъ послѣ: „Навсегда я остался бы только плотникомъ, если бы не научился у англичанъ.“ Въ концѣ апрѣля 1698 г. Петръ вернулся въ Голландію. Но скоро важныя обстоятельства вызвали его въ ту страну, съ которой онъ хотѣлъ начать свое заграничное путешествіе. Нидерланды отвергли планъ союза противъ Турціи. Но теперь и самъ австрійскій императоръ началъ склоняться къ преждевременному миру съ турками. Петръ простился со своими учителями-голландцами и спѣшно проѣхалъ черезъ Германію прямо въ Вѣну. Я не буду останавливаться на его пребываніи въ Вѣнѣ. Здѣсь время тянулось для Петра утомительно и бесплодно въ пустыхъ напыщенныхъ церемоніяхъ. Переговоры о борьбѣ съ Турціей не клеились. Европа готовилась къ великой войнѣ съ Франціей и ей было не до Турціи. Наскучивъ праздной жизнью въ Вѣнѣ, Петръ собрался въ Венецію. Но судьба во второй разъ внезапно отбросила его отъ заманчивыхъ береговъ Адриатическаго моря. Все уже было готово къ отъѣзду въ Венецію. Назначенъ былъ и самый день отъѣзда. Вдругъ... страшная вѣсть прилетѣла изъ Москвы: вспыхнулъ новый стрѣлецкій бунтъ. Петръ бросилъ все и помчался на родину.

25 августа 1698 г. около вечерень Петръ вѣхалъ въ московскій кремль. „Царь вернулся“, „царь вернулся“—заговорили по Москвѣ, но не всѣ съ довѣріемъ выслушивали эту новость... „Пріѣхалъ не царь, а подмѣненный нѣмчинъ“, твердили многіе „а настоящій Петръ Алексѣевичъ похищенъ нѣм

цами, забить въ бочку и спущенъ въ окіянь — море“.

Такъ кончились для Петра его „годы странствія“.

Петръ поѣхалъ въ иностранныя страны не на веселье, а на трудъ. Но для Петра былъ сладокъ всякій трудъ, отъ котораго онъ ждалъ пользы родивъ. Петръ любилъ родину и съ радостью хватался ради нея за всякую работу. Мы видѣли, какъ удивлялись Петру нѣмцы, голландцы и англичане. Помянемъ же и мы добрымъ словомъ нашего царя плотника!

К о н е ц ъ.